

Риэн Роздобудько

(психологічна драма)

Харьков
«Фолио»
2013

КНИГА ПЕРВАЯ

Последний день августа, 2005 год

...Я уж и не припомню, когда приходил домой, не будучи слегка «подшофе». А может быть, и не слегка... Но со вчерашнего дня появилось ощущение, будто мне под лопатку вшили «торпеду» и я умру от одного вида рюмки с водкой или коньяком. Погасить возбуждение мне было совершенно нечем. Оставалось только как-то дотянуть до конца рабочего дня. С другой стороны, мне хотелось, чтобы день этот тянулся бесконечно. Я боялся вернуться домой, боялся сесть за компьютер.

Поэтому после двух необременительных лекций в институте кинематографии я вернулся в офис. Делать мне там было совершенно нечего, я мог работать и дома, сочиняя бесконечные сюжеты для рекламных роликов, но, как уже сказал, идти домой я боялся. Поэтому тупо просидел в своем кабинете, закинув ноги на стол, то и дело заставляя нашего офис-менеджера Татьяну Николаевну готовить мне крепчайший кофе. Я смотрел в окно. И зрение мое было настолько обостренным и сконцентрированным, что я видел

мельчайшие переплетения и бороздки на коре дерева на противоположной стороне улицы. Я не отрывал взгляд от этих бороздок, забитых седой паутиной, и они напоминали мне морщины на лице старика.

Лето подходило к концу. Заканчивался год. Не знаю, как у других, а для меня год всегда заканчивается с последним днем августа. Возможно, потому, что все в моей жизни начиналось осенью...

Я старался ни о чем не думать. Но в мыслях я уже раз сто побывал дома и совершил несколько привычных действий: открыл дверь, сбросил пиджак, сел за компьютер в глубокое черное кресло и щелкнул «мышкой».

Почему я так боюсь сделать это на самом деле? Что мне стоит сбросить сейчас ноги со стола, подхватить кейс, выскочить на улицу, сесть за руль и через десять минут действительно распахнуть дверь своей квартиры? Что за гири повисли на моих ногах?

Потом я понял, что эти «гири» — страх ровным счетом ничего не найти на экране монитора. НИЧЕГО.

Но с не меньшим страхом я думал о том, что в углу экрана может высветиться маленький желтый конверт. И я не знал, что лучше: это НИЧЕГО или конверт...

Около восьми часов Татьяна Николаевна начала деликатно покашливать за дверью. А потом, слегка приоткрыв ее, спросила:

— Еще кофе?

Я понял, что пора уходить. Вышел на улицу и впервые не заглянул в свой любимый рестораник «Суок», хотя мог бы... Меня вдруг одолел гон, я ощутил его лихорадку и едва дождался, пока домчусь до своего подъезда. Потом я боялся, что лифт застрянет и мне придется провести в нем несколько томительных часов, гадая, есть конверт или нет его.

Слава Богу, этого не случилось, и я ворвался в квартиру, на ходу снимая пиджак, разбрасывая во все стороны туфли, галстук. В черное кресло я упал, имея довольно растрепанный вид. Интересно, что сказали бы студенты, которые привыкли к моей полной «застегнутости»?

Я перевел дыхание...

...Тогда тоже был сентябрь. На балконе лежали арбузы. Сейчас там лишь толстый слой уличной пыли...

Я щелкнул клавишей, и в углу высветился желтый конверт. Все так, как я себе представлял, — я не верил своим глазам. Неужели? Еще раз щелкнул «мышкой». Закрыв глаза. Открыл.

«Я умерла 25-го сентября 1997-го года...» — высветилась первая строка на синем фоне монитора.

Я снова закрыл глаза. Холод и мрак охватили меня...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Денис

1

Это случилось в конце августа 1977-го... Тогда мне исполнилось восемнадцать. Я мечтал о славе. И знал, что она придет. Речь шла не о временном восхождении на некий пьедестал в ограниченном пространстве, в котором я тогда жил. Не об аплодисментах публики, которая забывает о тебе на следующий же день. Нет. Я чувствовал, что у меня есть предназначение, тайну которого еще предстоит разгадать. А пока оно только зарождалось во мне, как во влажной марле набухает фасолина, — такой опыт мы проделывали в школе на уроках биологии. Все тридцать пять учеников дома на подоконнике проращивали фасоль, а через пару недель приносили результат в школу. Я очень хорошо помню, что мой побег был больше, чем у других. Это было давно, классе в шестом. Но именно после этих опытов я понял, что и как развивается внутри меня самого. И терпеливо ждал. Настолько терпеливо, что старался лишний раз не привлекать к себе внимания — мне это было ни к чему. Пока. Я окончил школу, очень легко поступил на кинофакультет, на сценарное отделение (мой экзаменационный сценарий оказался лучшим, чем опусы уже опытных и старших по возрасту абитуриентов, его потом еще долго

хранили на кафедре как пример удачной работы). Узнав о результате, я выбрался немного отдохнуть в горы, на турбазу у подножья Карпат. Собственно говоря, это была «кинематографическая» турбаза, на которую поехали почти все мои будущие однокурсники — объявление о «горящих» студенческих путевках висело в фойе института. Мы еще не были хорошо знакомы друг с другом. Нас объединял общий дух недавних экзаменов, во время которых все дружно толпились у дверей аудиторий и шумно приветствовали каждого счастливого.

Все это было уже позади. Мы съезжались на турбазу постепенно, не сговариваясь, и бурно радовались каждому знакомому лицу. Нас расселили в небольшие деревянные коттеджи, и мы тут же принялись изучать территорию, выясняя, где находятся столовая, бассейн, кинозал и ближайшее «сельпо», в котором можно купить дешевый портвейн «777».

Мы чувствовали себя взрослыми и бывальыми. Старались общаться как можно непринужденнее и произносили имена своих кумиров «через губу». Называли друг друга «по-западному», поэтому меня сразу же окрестили Дэнном. Соседа по комнате, соответственно, назвали Максом.

Дэн и Макс — два крутых парня, будущие гении — быстро сбегали в сельпо и затарились несколькими бутылками крепленых «чернил». Пили мы по-черному и... по-детски еще со школы — ничего дороже портвейна. Откровенно говоря, в скором времени я пожалел, что приехал именно сюда...

Горы синели вдаль и, казалось, мерцали, окутанные ровным белым шелком вечерней дымки. А я вынужден был сидеть на жесткой койке, дуть портвейн и слушать болтовню своих приятелей. Когда нас всех стало мутить (виду, естественно, никто не подавал), мы по очереди начали выходить «подышать воздухом». Мне, наконец, удалось вырваться из прокуренной комнаты и уже без спешки пройти по территории базы.

Это было довольно спокойное место. Или казалось таким на исходе лета. За занавесками коттеджиков горел тусклый свет, кое-где на верандах сидели отдыхающие, из открытого — «зеленого» — кинотеатра доносились звуки музыки какого-то фильма. Кажется, это была «Есения»... А вообще — беспорядок и запустение. Только за белым старомодным забором в стиле псевдобарокко заманчиво шумел мохнатый черный лес, и от него на меня покатила мощная волна свежести и тревоги. Было уже довольно темно.

Нелепые скульптуры девушек с веслами и прочих культуристов белели вдоль аллей, словно призраки. Почти все скамейки были «беззубыми», а все фонари — «слепыми». Я дошел до конца аллеи, опустился на скамью, достал сигареты. И почти сразу же заметил, как напротив вспыхнул красный огонек...

Если бы я тогда не был пьян, если бы не бродило во мне, как вино, искристое состояние эйфории из-за вступления в новую жизнь — ничего бы не произошло и не потянуло за собой цепь событий, преследующих меня всю жизнь.

Но я был пьян. И поэтому увидел *ничто*... Очерченный лунным светом силуэт, который в кромешной темноте казался пустым, бестелесным контуром. Женщина курила сигаретку, вставленную в длинный мундштук. Она медленно подносила к невидимым губам красный огонек, вдыхала, и серебристый дым на какое-то мгновение заполнял весь ее прозрачный контур, словно изнутри обрисовывая тело. А потом, с последним облачком дыма, оно, это тело, медленно таяло в темноте.

Чертовщина какая-то!

Я напряг зрение и комично помахал рукой перед своим носом, отгоняя видение.

— Что, испугался?

Голос был хриплым, но таким чувственным, что у меня по всему телу побежали мурашки, как будто женщина произнесла что-то непристойное (я и потом не мог привыкнуть к звуку ее голоса: о чем бы она ни говорила — о погоде, книгах, кинофильмах, еде, — все звучало сладко-непристойно, как откровение).

— Да нет... Нормально... — пробормотал я.

Влажная ночь и вершины гор, чернеющие вдаль, и этот красный огонек, подмигивающий в темноте, и сам воздух — такой насыщенный и свежий — отрезвили меня. Я попытался разглядеть сидящую напротив женщину. Бесполезно. Наверное, уже тогда у меня совершенно «замылится» глаз в отношении нее. Такое бывает, например, с мамашами, которые неспособны реально оценить красоту

своего ребенка или с художником, которому его последнее полотно кажется гениальным.

— Вы тоже живете в этом пансионате?

Ничего более идиотского я не мог придумать! Это было все равно что спросить у попутчицы после взлета: «Вы тоже летите в этом самолете?» Но мне очень хотелось снова услышать ее голос.

— Вам здесь нравится? — продолжал я.

Огонек загорелся ярче (она сделала затяжку) и скользнул вниз (она опустила руку).

— Знаешь, где мне нравится? — услышал я (мурашки! мурашки!) после довольно-таки долгой паузы. — Там...

Огонек взлетел вверх и откинулся в сторону леса.

— Я там еще не был... — сказал я. — Только сегодня приехал...

— Чудак! — Огонек резко полетел в кусты и там погас. — Идем! Тут в заборе есть дыра.

По шелесту ее одежды я понял, что она встала и шагнула в мою сторону.

— Давай руку!

Я протянул руку в темноту и наткнулся на прохладную ладонь. И снова по телу побежали мурашки. Ее рука была энергичной, не мягкой.

— Э-э, да ты же совсем пьяненький! — засмеялась она.

Я встал, стараясь держаться ровно. Мы были одного роста. Мне удалось разглядеть что-то более определенное — тонкую фигуру, темную, возможно черную, шаль,

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ	3
Часть первая	6
Часть вторая	57
Часть третья	126
КНИГА ВТОРАЯ	157
Часть первая	157
Часть вторая	192
ЭПИЛОГ	209